

Имя писателя Валентина Пикуля известно, пожалуй, каждому россиянину. А его роман «Каторга» прочитал каждый уважающий себя сахалинец.

Имя писателя Олега Кузнецова - автора повестей «Лагуна», «Тишина перед рассветом», исторического романа «И жили люди на краю...» - известно гораздо более узкому кругу читателей. Но он вполне может поспорить с таким мэтром, как Пикуль - в более скрупулезном подборе исторического материала, в тщательном анализе фактов, глубине и силе художественного осмысления и даже композиционной подаче произведений. И это неудивительно: Кузнецов выигрывает у Пикуля уже потому, что прожил на Сахалине всю жизнь, объехал его вдоль и поперек и лично знаком со многими своими героями.

Сегодня «Свободный Сахалин» представляет Олега КУЗНЕЦОВА в рубрике «Человек».

- Олег Павлович, как вам случилось стать писателем?

- Как это случилось - необъяснимо. Сначала я рисовал, хотел стать художником - это было в детстве, которое я провел здесь, на Сахалине. Шел 1946 год. Красок, разумеется, никаких не было, но я упорно мечтал о живописи. А потом меня привезли на Новый год в Иркутск, я увидел елку и... заговорил стихами.

- Это была первая елка в вашей жизни?

- Да нет, видел я и раньше елку! И лет мне было уже не так мало - учился, кажется, в пятом классе. Но я был впечатлительным ребенком, а елка, наверное, была очень красивая...

Мы, дети войны, вообще много не получили, жили впроголодь. Я, например, в Москве родился, а на родину свою попал, когда мне уже за 30 было. Такая вот своя трагедия...

- Значит, вы не только писатель, но и поэт?

- Стихи я писал лет до 25. Когда работал в газете, целые полосы и развороты в стихах давал. Сейчас смешно, конечно, а тогда казалось - ух, здорово!

- Мне кажется, такие стихи я тоже писала: в восьмом классе выпускное сочинение, например. Действительно смешно, но мои одноклассники до сих пор воспринимают тот поэтический опус как некое мерило таланта. А вы помните его не помню. Словом, Лермонтова из меня не получилось. А из вас?

- Из меня тоже. Я печатался в разных изданиях, но когда понял, что большим поэтом не стану, я решил поведать читателям о морских животных, о подводном мире.

- А вы были с ним знакомы?

- Был. Когда я попал на Сахалин, мне показалось, что это другая страна. По корсаковской трассе, в Первой, во Второй Пади нерпы по весне детенышей выхаживали, сивучи на берег выходили. Все это запомнилось, и первый мой рассказ назывался «Лахтак». Его «Мурзилка» напечатал.

- А что такое «лахтак»?

- Морской заяц. У меня о нем так неплохо получилось, что я стал писать книжки для детей. Как сказал недавно один литератор, раньше многие писатели только претворялись детскими - они не хотели влезать в нашу взрослую жизнь, потому что знали, что всю ее не покажут и не осветят. А в детской литературе с этим относительно просто. Хотя на самом деле писать для детей очень трудно.

- Как же вы из детского писателя стали взрослым? Выходит, тоже притворялись?

- В детстве я жил в Корсакове возле агарового завода и даже на нем работал - ворошил анфельцию. Вместе с рабочими ездил за ней на озеро Буссе. И тогда я впервые в жизни столкнулся с русскими людьми, которые жили на Сахалине при японцах, а у нас работали переводчиками. Особенно старик один запомнился - высокий, крепкий, борода до пояса, но молчаливый. Да и страшно было разговаривать - в 1947-1948 гг. этих людей стали арестовывать, всех объявили шпионами и предателями...

Через много лет я захотел рассказать о лагуна Буссе, которую, по сути, уничтожили, и об этих людях. Я впервые в жизни написал книгу для взрослых, которую назвал «Лагуна». Она вышла в Москве в 1985 году, но это было непросто. Все уже было практически готово, и вдруг в самый последний момент мне звонит редактор и говорит: переделайте конец! И я переписывал две последние

страницы - сглаживал. Но это ничего не изменило в нашей жизни: и тогда, и сейчас к природе у нас относятся варварски...

А в последнее время я все-таки решил написать большую вещь о Сахалине, охватив чуть ли не 100-летний период его истории. (Две части неоконченной пока трилогии «И жили люди на краю...» уже вышли в свет. - М.Е.). И начал я с тех самых русских, которые жили на острове при японцах.

Работая над этим произведением, пользовался не только тем, что накопил раньше. Пришлось поднять многие документы. Конечно, «И жили люди на

не стоило терять человеческие жизни на Харамитогах или Шумшу. Ведь это же были бездарнейшие военные операции!

Разные страны, разные идеологии, разные политики, а подход к Сахалину - одинаковый...

Если же говорить о том, какими были люди, то мне кажется, что тогда - чище и лучше. Но и сегодня, как и 40, и 60 и даже 100 лет назад, они так же любили, страдали и радовались. Чувства человеческие непреходящи - просто выражаются немного иначе. А общаться мы стали меньше - все в основном по квартирам сидят...

Олег КУЗНЕЦОВ: ЗДЕСЬ МОЯ РОДИНА

краю...» - это не история в ее последовательности и научной четкости. Я отталкиваюсь от исторического факта, чтобы показать, каким был человек, о чем он думал, как ненавидел и любил, какими были в те времена небо, море и лес...

Ну а что получается - судить читателям.

- Вы изучили и вместе со своими героями пережили вековую историю Сахалина. Как изменились за это время люди? Чем отличаются сахалинцы сегодняшние от сахалинцев столетней давности?

- О, на Сахалине вообще происходили странные парадоксы! Скажем, занимают японцы остров в 1905 году и тут же создают гражданское управление при армии. Через 40 лет возвращаются на Сахалин русские - и тоже моментально создают управление по гражданским делам. Дальше. Зазывая сюда на работу, нашим вербованным давали всяческие льготы. Японцам в начале века - тоже. В 1905 году японцы заняли Сахалин, чтобы вести переговоры, имея его, так сказать, в кармане. То же самое сделала в 1945 году Красная Армия: когда в исходе второй мировой войны все было предрешиено, и совсем

- Как, с точки зрения писателя-историка, вы бы решили курильскую проблему?

- Это очень запутанный вопрос. Конечно, Южные Курилы географически ближе к Японии, но все так перемешалось, что я не стал бы еще раз ломать судьбы людей. Так много человечество пережило - только в нашу эру 20 веков! - и все еще делит границы... Надо как-то унять эту политическую возню, сделать острова совместными и жить там по-людски.

И еще такой момент: курильский вопрос возникает всегда, когда наша страна - Россия, СССР или опять Россия - находится в ослабленном положении.

- Есть ли у вас политические страсти?

- Сейчас - никаких.

- А были?

- Да, собственно говоря, и не было. В те времена, когда я работал в газетах, всюду было одно мнение - партийное. То, что происходит сегодня в России, многие представители творческой интеллигенции склонны расценивать как катастрофу. А как относитесь к нашему бытию вы?

- Мне кажется, у нас сейчас есть два национальных героя - Хрюша для де-

тей и Ленья Голубков для взрослых. Ему, наверное, можно уже давать народного артиста, потому что у настоящих народных артистов нет ролей. Примерно такая же ситуация с писателями, художниками, композиторами.

Сегодня в нашем обществе появилось очень много «недоношенных»: экстраенса можно «получить» за неделю, депутата - за пару месяцев. А потом мы удивляемся, что же это с нами происходит! Да нормальные деловые люди порой просто не нужны! И уж тем более - писатели...

Я давно знаю Даниила Гранина и его взгляды на жизнь. Когда началась перестройка, его облили грязью в газетах, обвинили в конъюнктуре. Или Валентин Распутин - о нем вообще просто умалчивают. Какими бы ни были его политические взгляды, но он - большой писатель. Между прочим, в застойные годы был самым издаваемым за рубежом. А тут по радио России слышу фразу: «Иркутский писатель, однажды написавший удачную книжку «Прощание с Матерой». Но это ведь те же самые приемы, что были у нас в 30-40-е годы!

Да, у Распутина своя драма, но писатель - то он настоящий! И в таком подавленном состоянии сегодня, очевидно, многие...

- А может быть, писателю в принципе не надо заниматься политикой?

- Конечно. Но если он занимается, то больше виноваты те, кто его на это толкает. Допустим, был Западу нужен Солженицын - его и пропандировали, создав своеобразный культ. А у нас его охавали, вместо того чтобы просто издать - и ничего бы не случилось! Потому что, извините, не каждый человек осилит «Архипелаг ГУЛАГ»! Ведь это чистой воды публицистика, и читать ее так же трудно, как, скажем, Герцена или Чернышевского...

Хотя вот я Солженицына слушал - он об устройстве нашей жизни умные вещи говорит. Но, например, Жорж Сименон, дожив до 72-лет, бросил писать - по его собственному признанию, больше не осталось сил. Возможно, с Александром Исаевичем случилось то же самое...

- Но не кажется ли вам, что это очень тревожный симптом: когда у человека ни на что нету сил, он идет в политику, действуя, так сказать, по остаточному принципу. Может, оттого и жизнь у нас такая - «остаточная»?

- Может быть. Но дело-то в чем? Рисовать картины - нужны талант или способности, писать музыку - то среди политиков еще ни одного талантливого человека не встречал...

Впрочем, был за мной грех: попервости я очень полюбил Горбачева. Сидел перед телевизором, радовался и говорил жене: наконец-то появился интеллигентный умный мужик! Но когда я прослушал пять или шесть его речей, то стал интересоваться: а не был ли Михаил Сергеевич комсомольским работником? Так что я решил лишний раз ни в кого не влюбляться.

- У вас никогда не возникало омыды на судьбу за то, что, родившись в Москве, в центре культуры, вы всю жизнь прожили на самой что ни на есть дальней окраине? А так - были бы столичным писателем...

- Вся русская литература вышла из провинции. И сейчас: Астафьев живет в Красноярске, а тот же Распутин - в Иркутске, но их вся страна знает! А вы можете перечислить мне имена двух тысяч московских писателей?

Что же касается обиды на судьбу, то она была. Как-то шел по Москве, и чуть ли не слезы на глаза навернулись. Но ничего не поделаешь! У меня такой характер, что я ничего для себя не нажил, хотя возможности были. Так что возвращаться мне некуда, да и незачем - здесь моя родина.

- Не возникает ли у вас сомнений в деле, которому служите?

- Конечно, возникают. Иногда думаю: а кому, кроме меня самого, все это нужно? Но в то же время я получил много хороших отзывов о первой книге дилогии «И жили люди на краю...».

Не можем мы быть иванами, не помнящими родства! И если пройдет еще несколько лет, и ничего подобного о сахалинской жизни не появится, хоть моя книжка будет...

- И все-таки, невзирая на сомнения: вы счастливы?

- Всякое бывало. Но на судьбу не обижаюсь.